

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ К. ЧУКОВСКОГО

В Москве с 7 по 12 декабря проходил Первый фестиваль детской литературы имени К. Чуковского, одну из четырех премий получил Александр Кушнер. Имя Кушнера отмечено многими самыми высокими премиями и хорошо известно любителям поэзии в России и за рубежом. А вот его книги для детей впервые получили столь высокую оценку.

Нам особенно приятно поздравить Кушнера, потому что он был студентом Герценовского университета, а по окончании его десять лет работал учителем в школе.

Уже в стенах университета он обратил на себя внимание наших выдающихся учителей — Дмитрия Евгеньевича Максимова и Наума Яковлевича Берковского. Они очень серьезно отнеслись к его стихам, у них он прошел свою первую поэтическую школу. А самыми высокими наставникам были любимые поэты: Пушкин, Баратынский, Тютчев, Инн. Анненский, Мандельштам.

Появление в начале 1960-х гг. его детских книжек (уже известного автора многих «взрослых» книг) было поначалу полной неожиданностью. Годы эти были настоящим ренессансом детской поэзии. Для детей стали писать замечательные поэты: Б. Заходер, Г. Сапгир, В. Берестов, Ю. Мориц, Э. Успенский. Это был взрыв игровой, озорной поэзии для детей, целый каскад словесного озорства, перевертышей, анекдотов, шуток, ритмических находок — царство свободного вымысла.

Поэзия Кушнера для детей легко и свободно вписалась в этот мир. Но и в детской его поэзии остались заветные темы. К примеру: в большой поэзии он много писал об искусстве и истории; об этом он будет говорить и с детьми. Да еще о таких сложных понятиях, как пейзаж, натюрморт, портрет. Пейзаж, натюрморт он представит в стихах, так подобрав и расположив слова (река, ель, иней, сад, облака или морс в большом графине, роза в хрустале), что и впрямь видишь перед собой произведение искусства. Зато в третьем случае он позволит себе посмеяться и прибегнет к излюбленному Чуковским приему: сделать своих слушателей соавторами стиха.

Если видишь, что с картины
Смотрит кто-нибудь на нас:

Летчик или балерина,
Или Колька, твой сосед, —
Обязательно картина
Называется.....

докончить не дадут, потому что со стороны слушателей зазвучит радостный вопль: «портрет!», а восторг и возбуждение еще долго-долго будут продолжаться («Что я узнал»).

Он создает образ юного героя, мечтающего приобщиться к большой истории, которая почти всегда начинается в Петербурге: «У моста Тучкова // среди яркого льда // толпятся, как звери, // речные суда...» Сколько событий возникает в воображении, сколько уже путей пройдено: «Войдет капитан // и не знает того, // что в рубке просторной // я был до него!» («Корабли»). Но еще более отважный участник настоящего сраженья появится у Кронверк-речки: «Ботфорты на мне // И в кафтан я одет». Юный герой Кушнера не только хорошо знает историю, не только до тонкостей в курсе хода сражения, но он там, со всеми, кто сражается, оно навсегда запомнится ему:

И глажу я пушку,
Горячую пушку,
Чугунную пушку
Усталой рукой.

(Петровские пушки)

Наивные, веселые, смешные, озорные, незадачливые, в вечном движении, в постоянном желании что-то творить, с кем-то подражаться, все успеть, увлечься чем-то так, что забыть свою фамилию — и лишь после многих бесполезных звонков, очнуться, наконец: «Вдруг мне вспомнилось; «Друзья! // Соколов — ведь это я!» («Позовите Соколова»).

Можно привести в стихах Кушнера массу шуток, словесных находок, анекдотов. Я выбираю два своих самых любимых стихотворения. Одно необычайно тонко передает всю силу разгоряченного воображения ребенка, его страхи, ночные ужасы и фантазии.

Что виднеется в углу
С черной тенью на полу —
Непонятное, немое,
Не пойму я сам какое:
Человек или предмет?
Ах, скорей зажгите свет!

Вдруг оно сейчас подскочит,
Утащить меня захочет?
Вдруг, издав ужасный стон,
Побежит за мной вдогон?
Схватит? Стащит одеяло?
Свет зажгли — мне стыдно стало.
Я ошибся. Виноват.
Это — дедушкин халат!

Это сочетание «ужасного» с таким нарочито смешным и прозаическим придает особый эффект стихотворению («Что в углу?»).

И, наконец, самое любимое, которое так замечательно вписалось в общий игровой карнавал.

Я пошел бы на руках,
Чтобы все сказали: «Ах!»
Стал бы есть траву и мох,
Чтобы все сказали: «Ох!»

Я надел бы наизнанку
Шапку, брюки и пальто,
Я пошел бы на Фонтанку,
Чтобы все кричали: «Кто?

Это кто такой ужасный,
Непонятно-безобразный?
Это кто такой опасный?
Кто он? Где его семья?
Эй, держи его за лапку!
Эй, хватай его в охапку!»

Я бы снял пальто и шапку
И ответил: «Это я!»

(«Заветное желание»)

Все сошлось в этом «Я»: все озорство, весь неутомимый темперамент, все безудержное любопытство, все нетерпение, все мечты и еще тысячи выполнимых и невыполнимых, одно-временных и самых разных желаний — все то, что и составляет обаяние этого чуда, название которого «ДЕТСТВО».

*Е. О. Путилова,
профессор кафедры детской литературы*